

Павлов Алексей Степанович

**Мнимые следы
католического влияния в
древнейших памятниках юго-
славянского и русского
церковного права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Степанович П.**
Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках юго-славянского и русского церковного права / Павлов Алексей Степанович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 184 с.

ISBN 978-5-521-26934-1

ISBN 978-5-521-26934-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

*Даждь премудрому разуму,
и премудрый будетъ*
Притч. IX, 9.

Профессору церковнаго права въ Ярославскомъ юридическомъ лицѣ Н. С. Суворову удалось сдѣлать одно весьма любопытное открытіе, оповѣщенное имъ сначала на VП-мъ Археологическомъ съѣздѣ (въ Ярославлѣ), а потомъ — въ особомъ изслѣдованіи, изданномъ въ 1888 году подъ заглавіемъ: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“. Это открытіе состоитъ въ томъ, что почтенный профессоръ подмѣтилъ черты поразительнаго сходства между однимъ средневѣковымъ латинскимъ пенитенціаломъ и небольшимъ славянскимъ епитимейникомъ, носящимъ въ рукописяхъ глухое надписаніе: „Заповѣдь св. Отець“. Въ виду совершенной неизвѣстности (по крайней мѣрѣ по печатнымъ изданіямъ) какаго нибудь *греческаго* источника для этой „Заповѣди“, проф. Суворовъ естественно принималъ ее за прямой переводъ съ упомянутаго латинскаго пенитенціала (стр. 7). Своему открытію ученый канонистъ придаетъ тѣмъ большую важность, что „Заповѣдь св. Отець“ несомнѣнно принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ славянской канонической письменности. Она находится уже въ составѣ той славянской Кормчей, которую, по ея содержанію и языку, принято считать за одинъ изъ переводныхъ трудовъ славянскихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія ¹⁾. Таже самая „Заповѣдь“ недавно открыта и из-

¹⁾ Разумѣемъ славянскую Кормчую, содержащую въ себѣ переводъ сборника церковныхъ каноновъ въ 60-ти титулахъ, составленнаго въ VI вѣкѣ Констан-

дана Гейтлеромъ въ составѣ Синайскаго глаголическаго Еухологіона, принадлежащаго по письму къ XI-му вѣку, а по языку — ко временамъ еще болѣе отдаленнымъ ¹⁾. Если же славянский памятникъ такой глубокой древности оказывается прямымъ заимствованіемъ изъ латинскаго источника, то это обстоятельство невольно наводитъ на мысль, что подобныя заимствованія могутъ встрѣтиться и въ другихъ памятникахъ славянской церковной письменности, сходныхъ съ „Заповѣдію“ и появившихся еще до формальнаго раздѣленія церковей востока и запада. И дѣйствительно, проф. Суворовъ нашелъ довольно явственные, на его взглядъ, „слѣды западно-католическаго церковнаго права“ не только въ упомянутой „Заповѣди“, но и въ слѣдующихъ памятникахъ древне-славянскаго и русскаго церковнаго права: 1) въ т. наз. „Законѣ судномъ людемъ“; 2) въ разныхъ древне славянскихъ и русскихъ епитимейникахъ и вообще въ правилахъ о покаяніи и разрѣшеніи отъ грѣховъ; наконецъ—3) въ извѣстныхъ церковныхъ уставахъ, приписываемыхъ первымъ двумъ христіанскимъ князьямъ Руси—св. Владимиру и Ярославу.

Достаточно сдѣлать общее указаніе на вопросы, составляющіе задачу ученаго изслѣдованія проф. Суворова, чтобы понять ихъ высокій научный интересъ. Тѣмъ удивительнѣе для насъ то обстоятельство, что трудъ почтеннаго профессора, не смотря на его, такъ сказать, вызывающій характеръ, до сихъ поръ не былъ обстоятельно и безпристрастно оцѣненъ въ нашей ученой литературѣ, ни въ духовной, ни въ свѣтской. Предлагаемая теперь рецензія этого труда составлена уже довольно давно; но по обстоятельствамъ, насколько отъ насъ не зависящимъ, она не могла своевременно явиться въ печати. Впрочемъ — время тутъ ни при чемъ. Изслѣдованіе проф. Суворова, уже по новости своего содержанія и по рѣдкой оригинальности историческихъ воззрѣній и методологическихъ приѣмовъ автора, безспорно заслуживаетъ

тинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Схоластикомъ. Старшій списокъ такою Коричей, какъ извѣстно, находится въ Румянцовскомъ музеѣ подъ № 230.

¹⁾ Geitler, Euchologium Glagolski spomenik manastira Sinai brda. Zagreb. 1883, 188—195.

самаго тщательнаго, подробнаго, хотя бы нѣсколько и запоздалаго, разсмотрѣнія.

Начнемъ съ выше указаннаго открытія почтеннаго профессора, такъ какъ здѣсь именно заключается центръ научной тяжести всего его изслѣдованія¹⁾.

I.

Оригиналомъ древне-славянскаго епитимейника, называемаго въ рукописяхъ „Заповѣдію св. Отець“, проф. Суворовъ признаетъ латинскій пенитенціалъ, изданный Вассершлебенемъ подъ именемъ *Poenitentiale Merseburgense a*²⁾. Сходство обоихъ памятниковъ, славянскаго и латинскаго, настолько очевидно, что проф. Суворовъ съ полнымъ убѣжденіемъ признаетъ первый за прямой переводъ съ послѣдняго. Тѣмъ не менѣе ученая добросовѣстность побудила автора подвергнуть это убѣжденіе строгой критической провѣркѣ, — утвердить его на длинномъ рядѣ доказательствъ, отрицательныхъ и положительныхъ.

Доказательства первой категоріи понадобились автору потому, что въ самомъ латинскомъ пенитенціалѣ, предполагаемомъ подлинникѣ славянской „Заповѣди“, оказываются довольно ясныя и внушительныя слѣды происхожденія изъ восточнаго, т. е. греческаго источника. Таковы: 1) постъ въ теченіи нѣсколькихъ четырехдесятицѣ, назначаемый этимъ пенитенціаломъ въ видѣ епитиміи за разные грѣхи и, по сознанію самихъ западныхъ ученыхъ, возникшій первоначально на востокѣ, а потомъ, чрезъ посредство греческихъ монаховъ, жившихъ въ Италіи (Базиліанцевъ), принятый и на западѣ; 2) правило, представляющее постъ въ субботу необязательнымъ, и 3) другое правило, запрещающее употреблять въ пищу кровь и удушеннину. Два послѣднія правила настолько

¹⁾ Самъ авторъ начинаетъ свою работу съ вопроса о вліяніи католическаго церковнаго права на „Законъ судный людемъ“ (стр. 3—90).

²⁾ *Wasserschleben, Bassordnungen der abendländischen Kirche nebst einer rechtsgeschichtlichen Einleitung.* Halle, 1851, s. 391—401.

чужды издавна установившейся практикѣ западной, именно Римской церкви, что какой-то средневѣковый глоссаторъ написалъ противъ перваго изъ нихъ на полѣ рукописи занимающаго насъ пенитенціала такое примѣчаніе: „Отсюда видно, что эти пенитенціальныя обычаи чужды Римской церкви, которая всегда предписывала соблюдать постъ въ субботу; напротивъ мы думаемъ, что они принадлежать восточной церкви, какъ видно и изъ дальнѣйшаго правила, налагающаго покаяніе на тѣхъ, кто ѣстъ кровь и удушенину“¹⁾. Шмицъ, новый издатель того же пенитенціала, только въ другой редакціи, признаетъ эту глоссу исторически невѣрною и настаиваетъ на томъ, что соблюденіе субботняго поста, въ эпоху происхожденія пенитенціала, не было въ Римѣ постояннымъ и всеобщимъ; въ частности, онъ вовсе не соблюдался греческими (Базиліанскими) монахами, которыхъ много было тогда въ Римѣ и его окрестностяхъ, и что только съ IX вѣка, вслѣдствіе оппозиціи противоположному правилу и практикѣ греческой церкви, постъ этотъ сдѣлался на западѣ общеобязательнымъ. Что же касается до запрещенія употреблять въ пищу кровь и удушенину, то, по словамъ Шмица, оно и на западѣ почти обыкновенно внушалось новообращеннымъ народамъ, чтобы отучить ихъ отъ дикости языческой жизни и сдѣлать причастными христіанской культурѣ²⁾. Профессоръ Суворовъ вполне убѣждается этими доводами (см. стр. 120—121); но мы остаемся въ сильномъ сомнѣніи, — и вотъ по какимъ причинамъ. Самъ Шмицъ въ другомъ мѣстѣ своей книги и по другому поводу доказываетъ глубокую древность субботняго поста въ Римѣ и другихъ западныхъ церквяхъ, ссылаясь на свидѣтельства папы Иннокентія I и блаж. Іеро-

¹⁾ Ex hoc videtur poenitentiales has observationes abesse Romanae ecclesiae, penes quam semper die sabbati fuit jejunium praescriptum, sed potius putamus esse Orientalis ecclesiae, quod etiam inde conspicitur, quod, ut patebitur inferius, datur ista (-ista) misedia (?) illis, qui comedant sanguinem vel suffocatum.— *Schmitz*, *Bussbücher und Bussdisciplin der Kirche*. 1883, s. 230, Anmerk. 1. Въ это поставленнаго у насъ съ вопросительнымъ знакомъ *misedia*, Шмицъ предлагаетъ читать *misericordia*; но эта поправка мало помогаетъ дѣлу правильнаго пониманія текста.

²⁾ *Bussbücher*, s. 230—231.

нима, изъ коихъ первый утверждаетъ важность этого поста на апостольскомъ преданіи, а послѣдній говоритъ о его соблюденіи не только въ Римской, но и въ испанской церкви²⁾. Если теперь мы сопоставимъ эти свидѣтельства съ тѣмъ мѣстомъ занимающаго насъ пенитенціала, которое Шмицъ не затрудняется признать принадлежностью Римской церковной книги, то получится удивительная несообразность: Римская церковь, съ одной стороны, издавна предписывала своимъ членамъ соблюдать постъ по субботамъ, съ другой — освобождала отъ этого поста епитимійцевъ, — тѣхъ именно лицъ, которыя обязаны были къ усиленнымъ подвигамъ поста и покаянія (т. наз. *superimpositiones*), и держалась по отношенію къ нимъ другого правила, которое въ ея пенитенціалѣ выражено было такъ: *Qui tota septimana jejumat pro peccatis, sabbato et dominica die manducet et bibat, quicquid ei aptum fuerit*³⁾. Такое правило могли практиковать и пропагандировать на западѣ только греческіе монахи, у которыхъ былъ подъ руками свой пенитенціалъ — номоканонъ съ именемъ патріарха Іоанна Постника и съ такимъ предписаніемъ относительно епитимійцевъ: *σαββάτω καὶ κυριακῇ μὴ εὖ τινι βρώματι ἢ πόματι τὸ ὀνομαζόμενον ἐπιτίμιασθαι, ἀλλ' εἶναι ἀκώλυτον εἰς πάντα, ὡς πάντας οἱ μὴ ἔχοντες ἐπιτίμιον*⁴⁾. Это, по нашему мнѣнію, и есть прямой источникъ выше приведеннаго правила латинскаго пенитенціала. Мы не находимъ возможнымъ приписать какойнибудь западной и въ особенности Римской церкви происхождение и того правила Мерзебургскаго

1) Bussbücher, стр. 316.

2) Тамъ же, стр. 242.

3) См. *Morinus*, Comment. de discip. in admin. sacram. poenitentiae. p. 623. Venetiis, 1702. Списки Постникова номоканона несомнѣнно употреблялись греческими монахами въ Италіи. Одинъ списокъ, писанный въ XIII вѣкѣ въ монастырѣ Спасителя въ Мессинѣ, находится теперь въ Оксфордской университетской библіотекѣ (*Coxe, Catal. codd. mss. Biblioth. Bodl.* p. 662). Другой того же столѣтія — указанъ Монкофономъ въ описаніи рукописи Римскаго Базилианскаго монастыря, содержащей въ себѣ каноническій синодическій съ толкованіями Аристина (см. *Diarium Italicum*, p. 218, № 43). А если до насъ сохранились италіанскіе списки Постника, писанные въ XII вѣкѣ, то, значитъ, тамъ существовали и старшіе списки, съ которыхъ списаны были эти младшіе.

пенитенціала, которымъ запрещается употреблять въ пищу кровь и удушенію. На западѣ, уже со временъ блаженнаго Августина и благодаря ему именно, установился совершенно безразличный взглядъ на это дѣло¹⁾. Сколько извѣстно, единственный примѣръ противоположнаго воззрѣнія представляется въ 20-мъ правилѣ Орлеанскаго собора 535 года, которое запрещаетъ христіанамъ ѣсть дохлыхъ животныхъ или умерщвленныхъ другими животными²⁾. Кромѣ того, запрещеніе употреблять въ пищу кровь и удушенію, съ назначеніемъ за то сорокодневнаго покаянія, высказывается еще въ посланіи папы Григорія III (731—741) къ германскому апостолу св. Бонифацію; но не нужно забывать, что этотъ папа былъ родомъ сиріецъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ его посланіи встрѣчается предписаніе, согласное съ правилами и практикою восточной церкви³⁾. Но что это предписаніе ни мало не измѣнило обыкновенной практики Римской церкви, даже по отношенію къ *варварскимъ* народамъ, видно изъ знаменитыхъ отвѣтовъ папы Николая I на вопросы новообращенныхъ болгаръ. Болгары тоже спрашивали папу: можно-ли употреблять въ пищу удушенію? (что конечно запрещали имъ греки, отъ которыхъ они приняли крещеніе), — и получили отвѣтъ съ довольно обширною выпискою изъ одного сочиненія блаж. Августина, который доказывалъ, что для христіанъ предписанія Моисеева закона относительно животной пищи совершенно необязательны⁴⁾.

¹⁾ *Schmitz*, op. cit. p. 321.

²⁾ См. тамъ же.

³⁾ Свидѣтельство папы Григорія III приводитъ и Шмицъ (тамъ же), но упускаетъ изъ виду національность этого свидѣтеля, что въ настоящемъ случаѣ весьма важно.

⁴⁾ Приведемъ латинскій отвѣтъ въ подлинникѣ и въ переводѣ: *Animalia sive volatilia, si sine ferro mactantur, et solo ictu hominis percussa moriantur, si liceat comedi sciscitamine. De hoc sanctus Augustinus contra Faustum Manichaeum pleniter scripsit, de cujus verbis modicum quid nunc propter prolixitatem tangimus: Ubi, inquit, ecclesia gentium talis effecta est, ut in ea nullus Israëlitae carnalis appareat: quis jam hoc Christianus observat, ut tudos, vel minutiores aviculas non attingat, nisi quarum sanguis effusus est, aut leporem non edat, si manu a cervice percussus nullo cruento vulnere occisus est; et qui forte pauci adhuc tangere ista formidant, a caeteris*

Проф. Суворовъ тѣмъ болѣе долженъ былъ бы обратить вниманіе на это важное свидѣтельство (замолчанное Шмицемъ), что въ латинскомъ пенитенціалѣ, принимаемомъ имъ за подлинникъ славянской „Заповѣди св. Отецъ“, онъ видитъ также и тотъ пенитенціалъ, который посланъ былъ папою Николаемъ I Болгарамъ по особенной просьбѣ ихъ о присылкѣ такой книги (стр. 117—118). Выходитъ, слѣдовательно, что новообращенные Болгары получили отъ папы на одинъ и тотъ же вопросъ два противоположные отвѣта: утвердительный—въ собственномъ посланіи папы, и отрицательный—въ присланномъ имъ пенитенціалѣ.

Изложенныя (отрицательныя) доказательства западнаго, а не восточнаго, происхожденія Мерзебургскаго пенитенціала авторъ подкрѣпляетъ еще слѣдующими общими соображеніями: „Если бы этотъ пенитенціалъ приписать восточной церкви, то пришлось бы отнести къ восточной же церкви почти всѣ западныя пенитенціалы, такъ какъ большинство каноновъ Мерзебургскихъ можно найти въ другихъ западныхъ пенитенціалахъ, и не только въ англо-саксонскихъ (въ которыхъ можно было бы предполагать вліяніе Θεодора кентербурійскаго, природнаго грека изъ Тарса), и не только въ франкскихъ, въ которыхъ значительная часть содержанія заимствована изъ англо-саксонскихъ покаянныхъ книгъ, но и въ ирландско-британскихъ пенитенціалахъ. Предположимъ, что и ирландско-британскіе пенитенціалы не остались свободными отъ греческаго вліянія, такъ какъ существуютъ нѣкоторыя основанія полагать, что британская церковь обязана своимъ происхожденіемъ востоку и въ большей степени стояла въ общеніи съ востокомъ, чѣмъ это было обычно на западѣ. Но что же слѣдуетъ отсюда? Составителями правилъ покаянныхъ были все-таки британцы, точно также, какъ и составителемъ такъ называемаго Θεодоровскаго пенитенціала былъ не природный грекъ, Θεодоръ кентербурійскій, а природный англосаксъ, который на составленномъ имъ сборникѣ оставилъ

irridentur, ita omnium animos in hac retinuit illa sententia Veritatis: Non quod intrat in os vestrum, vos con inquinat, sed quod exit (Resp. 90. См. Migne, Patrol. latin. t. 119, p. 1011).

печать своей національности. Не отвергая возможности того, что восточное церковное право было принято въ соображеніе (къмъ?) и болѣе или менѣе повліяло на церковные сборники (чьи?), между прочимъ и при посредствѣ Базиліанскихъ монаховъ, мы придемъ къ тому лишь выводу, что западное церковное правообразование включило въ себя элементы болѣе разнообразные, чѣмъ восточное, и выразилось въ болѣе отчетливыхъ формахъ, чѣмъ это послѣднее. Изъ того, что каноническія правила греческихъ соборовъ включены были въ сборникъ Діонисія Малаго (вѣрнѣе было бы сказать, что сборникъ правилъ греческихъ соборовъ *цѣликомъ* переведенъ Діонисіемъ и *дополненъ* правилами только *одного* западнаго собора — Кареагенскаго 419 г.), никто не будетъ выводять, что правообразование западной церкви обязано своимъ происхожденіемъ востоку, а выведетъ только то, что и восточное церковное право вошло, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ, въ западное церковное правообразование“ (стр. 121—122). Мы должны сознаться, что не совсемъ ясно понимаемъ, какимъ образомъ эти общія соображенія устраняють мысль о происхожденіи Мерзебургскаго пенитенціала изъ восточнаго источника, на который такъ внушительно указываютъ выше приведенныя черты въ его содержаніи. Изъ того, что „большинство правилъ этого пенитенціала встрѣчается и въ другихъ западныхъ пенитенціалахъ“, никто, конечно, не выведетъ заключенія, что „всѣ“ или „почти всѣ“ такіе сборники западная церковь получила отъ восточной, а сдѣлаетъ только тотъ выводъ, что Мерзебургскій пенитенціалъ былъ однимъ изъ самыхъ старшихъ и наиболѣе употребительныхъ на западѣ. Память о его сравнительномъ старшинствѣ и, смѣемъ прибавить, восточномъ происхожденіи сохранялась даже въ позднѣйшихъ рукописяхъ (IX — X в.), въ которыхъ онъ является хотя въ измѣненной и дополненной редакціи (списокъ такъ назыв. *Valicellanum II*), но за то — съ миниатюрою *византійскаго* стиля (не греческій ли монахъ — духовникъ, принимающій исповѣдь кающагося? и съ надписью: *Item alii salones poenitenciales vetustiores* ¹⁾). Позволительно высказать

¹⁾ *Schmitz*, *op cit.* p. 342.

предположеніе, что греческій подлинникъ Мерзебургскаго пенитенціала, въ первичной своей формаціи, былъ навѣстенъ и авторамъ древнѣйшихъ западныхъ пенитенціаловъ—ирландо-британскихъ. По крайней мѣрѣ Вассершлебепъ, общепризнанный авторитетъ въ вопросахъ по исторіи западныхъ пенитенціаловъ, въ предисловіи ко второму своему изданію „Ирландскаго каноническаго сборника“ приводитъ въ доказательство греческаго вліянія на церковное правообразование въ Ирландіи слѣдующее правило изъ одного тамошняго пенитенціала: *Poenitentia homicidii VII anni in pane et aqua, vel X, ut dicit Monocheta* ¹⁾. Какой греческій источникъ скрывается подъ варварски искаженнымъ названіемъ *Monocheta*, Вассершлебепъ не объясняетъ и мы объяснить не можемъ; но въ высшей степени важно то, что въ этомъ источникѣ находилось правило, которое по сроку епитиміи, назначенной въ немъ за убійство (10 лѣтъ), совершенно совпадаетъ съ 1-мъ правиломъ Мерзебургскаго пенитенціала и славянской „Заповѣди св. Отца“ ²⁾. Если западное церковное право вообще (что допускаетъ и проф. Суворовъ) питалось восточнымъ и принимало въ себя даже такіе источники этого послѣдняго, которые здѣсь, на западѣ, подвергались формальной (но безуспѣшной) проскрипціи со стороны папъ (правила апостольскія и трульскаго собора): то почему не допустить такого же отношенія и западныхъ пенитенціаловъ къ восточнымъ покаяннымъ номоканонамъ, хотя бы послѣдніе и содержали въ себѣ нѣчто несогласное съ мѣстными церковными воззрѣніями и обычаями? Пусть составители латинскихъ пенитенціаловъ, пользуясь греческими источниками, „налагали на нихъ печать своей національности“; но заимствованія не переставали отъ этого быть заимствованіями, точно также, какъ римское право, рецептированное романо-германскими народами и во многихъ пунктахъ радикально

¹⁾ Die Irische Kanonensammlung, 2-te Aufl. Einleit. s. XXI; ср. Bussordnungen, s. 136, cap. 3.

²⁾ Ниже мы увидимъ, что такое правило, т. е. совершенно сходное съ 1-мъ канонномъ Мерзебургскаго пенитенціала, встрѣчается и въ греческихъ покаянныхъ номоканонахъ.

ими измѣненное, все-таки остается и называется римскимъ. Не нужно, при разрѣшеніи настоящаго вопроса, упускать изъ виду и того общезвѣстнаго факта, что на востокъ уже съ начала V вѣка древняя система публичныхъ церковныхъ покаяній, съ подраздѣленіемъ ихъ на 4 степени, стала значительно ослабѣвать и уступать свое господство въ практикѣ той системѣ, которая принята въ позднѣйшихъ греческихъ епитимейникахъ и которую въ общихъ чертахъ подтвердилъ трульскій соборъ въ послѣднемъ (102-мъ) своемъ канонѣ. Между тѣмъ на западѣ старая система, говоря вообще, держалась почти до конца IX вѣка. Такимъ образомъ уже а priori нужно допустить, что въ развитіи новой пенитенціальной системы восточная церковь на нѣсколько столѣтій опередила западную и приготовила для нея многочисленныя образцы своей практики, которыми всего прежде воспользовалась ирландо-британская церковь, никогда не знавшая дисциплины *публичныхъ* покаяній ¹⁾). Вассершлебенъ предполагаетъ, что первоначальные церковные порядки и учрежденія въ Ирландіи и Шотландіи образовались не безъ вліянія *египетскихъ* монастырей и пустынножительскихъ колоній ²⁾). А относительно позднѣйшихъ временъ и другихъ западныхъ церквей Шмицъ, а за нимъ и проф. Суворовъ, совершенно правильно замѣчаютъ, что восточная практика *частныхъ* церковныхъ покаяній могла сдѣлаться извѣстною составителямъ латинскихъ пенитенціаловъ чрезъ посредство греческихъ монаховъ, имѣвшихъ нѣсколько монастырей въ Римѣ, въ его окрестностяхъ и всего болѣе — въ южной Италіи (Magna Graecia). Здѣсь, какъ и на самомъ востокѣ, дисциплина церковныхъ покаяній новой системы уже съ VIII вѣка (если не раньше) находилась исключительно въ рукахъ монаховъ. Монахи были духовниками; имъ же конечно нужно приписать и составленіе всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ руководствъ для духовнической практики. Прямое, хотя и

¹⁾ См. *Wasserschleben*, *Bussordnungen*, s. 29: cp. 11.

²⁾ *Die Irische Kanonensammlung*, Einleit. s. XXI (2 Aufl.). Въ этомъ каноническомъ сборникѣ, дѣйствительно, содержатся многочисленные извлечения изъ *Vitae Patrum et monasteriorum Aegypti*.